

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10004

Геостратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне

В.И. Балакин

Аннотация. Идея Индо-Тихоокеанского формата, возникшая в 2006 г., стала широко пропагандироваться Абэ Синдзо, занимавшим тогда пост премьер-министра Японии. Лидер страны полагал, что партнерами в рамках названного формата станут США, Япония, Индия и Австралия. Упор в данной геополитической схеме делался на выстраивание эффективной системы сдерживания Китая. В КНР уловили этот тренд и приняли активные дипломатические меры по нейтрализации наметившейся стратегической опасности. Индо-Тихоокеанская зона сегодня является важнейшим элементом внешнеполитических стратегий и концепций Китая и США. Политика КНР в этом регионе исходит из поставленной её руководством задачи превратить страну в сильную морскую державу, что рассматривается как важная составляющая идеи последовательного возрождения китайской нации. В соответствии с ней, морской потенциал Китая должен соответствовать его комплексной государственной мощи и интересам национальной безопасности и поступательного развития КНР.

Ключевые слова: Китай, Индо-Тихоокеанский зона, соперничество КНР и США, возрождение китайской нации, комплексная мощь Китая, национальная безопасность КНР.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: prof_bvi@mail.ru

China's Geostrategy in the Indo-Pacific zone

V.I. Balakin

Abstract. The Japanese Prime Minister Abe Shinzo started protecting the idea of the Indo-Pacific format, which appeared in 2006. The Japanese leader believed, that the USA, Japan, India and Australia would join the format. In the context of this idea, the emphasis was made on building the China's effective deterrent system. The PRC caught that trend and undertook active diplomatic steps to neutralize the strategic danger. Nowadays the Indo-Pacific zone is the most important element of the overseas strategies and conceptions of China and the United States. The Chinese foreign policy in this region is determined by the Chinese leadership, which is to turn the country into a strong nautical power as a part of the integral composed idea of the Chinese nation's successive revival. According to this idea, the nautical potential of China must match its integrated state capacity and national security and progressive development interests.

Keywords: China, Indo-Pacific region, PRC-USA rivalry, revival of Chinese nation, Chinese complex power, PRC national security.

Author: Balakin Viacheslav I., PhD (Law), Leading Researcher of the Center for the Studies of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: prof_bvi@mail.ru

Введение

Геополитическая оценка Китаем Индо-Тихоокеанской зоны опирается на его усилившуюся геостратегическую позицию. Это заставляет серьёзно сомневаться в том, что США смогут удержать лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Каваго]. В связи с этим важным внешнеполитическим стимулом для администрации президента Д. Трампа стала разработка системы эффективных мер по противодействию наступательной стратегии Китая на евроазиатском континенте. В ноябре 2017 г. американский президент сформулировал свое представление о «свободном и открытом Индо-Тихоокеанском пространстве» как о зоне жёсткой конкуренции с Пекином за вовлечение в ареал политического влияния других ключевых государств данного региона. Невнятное вмешательство Вашингтона в сложную ситуацию в акватории Южно-Китайского моря побудило Китай развернуть активное военное строительство на спорных островах. В США полагают, что усилившаяся роль Индии в Индо-Тихоокеанской зоне – весьма позитивный тренд для меняющихся американских геополитических интересов, поскольку именно это формирует мощный рычаг противодействия все более сильному Китаю и закладывает конфликтный потенциал в индийско-российские отношения.

Американский взгляд на проблему

Американская сторона энергично продвигает концепцию Индо-Тихоокеанской зоны и опирается на традиционные принципы стратегического планирования, ориентированные на гибкое развёртывание сил и средств. Такая масштабная эскалация, в первую очередь, призвана сдерживать устремления Китая, который также имеет долговременные интересы в данном регионе и намерен противодействовать эффективному функционированию регионального американского военного командования, отвечающего за распространение влияния США от Тихого до Индийского океана, включая все побережье Индии [Bieri]. Вашингтон подчёркивает, что морские претензии КНР в Индо-Тихоокеанской зоне абсолютно беспочвенные, так как не имеют юридической, исторической или географической основы, а это ведёт к реальным издержкам для национальных интересов других государств. Госдепартамент и министерство обороны США продолжают обеспечивать безопасность в данном регионе и намерены укреплять там своё военное присутствие. Сегодня численность американского вооружённого состава в Индо-Тихоокеанской зоне превышает 375 тыс. человек. Таким образом Вашингтон пытается противостоять военно-политическому курсу КНР, основанному на тактике «свершившегося факта». Вкупе с географическим положением это даёт Пекину возможность воспользоваться эффектом внезапности для захвата территории того же Тайваня или островов Сэнкаку. В результате американцам останется лишь заплатить запредельную цену за освобождение названных территорий от китайского «освоения».

Индо-Тихоокеанская стратегия США сегодня – это усиление геополитического внимания к Китаю и Индии с её геостратегическим лозунгом «смотри на Восток, действуй на Востоке». На деле это означает, что умеренная американская ребалансировка в восточном полушарии станет более динамичной посредством военных сил долгосрочной политики Вашингтона. Во многом это вызвано прежней недооценкой комплексной мощи

КНР, что уже сегодня чревато значительно более серьёзными геополитическими вызовами, чем предполагалось ранее [Шифенг, Чуэфу, с. 40].

В последние годы США пересмотрели перспективы взаимоотношений с Пекином, и высшая американская элита практически единодушно решила, что выправить положение необходимо в кратчайшие сроки. По самым взвешенным оценкам в экспертных кругах США, Китай в обозримой перспективе станет самым энергичным и грозным конкурентом Штатов за всю современную историю.

Сейчас ведущие американские эксперты сходятся во мнении о том, что КНР полностью отказалась от стратегического завета Дэн Сяопина, суть которого сводилась к политической установке: «скрывать свою силу и выжидать благоприятного момента для перехода в наступление». Китайское руководство сегодня имеет реальные основания в обозримой перспективе ожидать обрушения финансовой системы США, а также упадка сложившейся ранее идеологии «вашингтонского консенсуса». Народный банк КНР открыто призывает заменить главную резервную валюту мира – американский доллар – юанем, что подтверждает серьёзность намерений Пекина повысить свой региональный и глобальный стратегический уровень. Смена геополитической парадигмы КНР фактически уже произошла в рамках идеи обновления китайского государства и перемещения акцента на повышение глобальных боевых возможностей КНР. Вступая в новую эру своего существования, Китай последовательно приближается в геостратегическом развитии к центру мировой политической авансцены [Hilpert, с. 6]. Глубоко и всесторонне продуманное создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), выдвижение инициативы «Один пояс, один путь» вместе представляют собой уникальный мегапроект Китая, направленный на единение Евразии. Это указывает на стремление Поднебесной активно играть не просто ведущую, а определяющую роль на региональном и планетарном уровнях.

Китай решительно настроен доминировать в Индо-Тихоокеанском регионе и стремится концептуально сохранить право защищать там собственные национальные интересы, прежде всего, в сфере устойчивого наращивания военно-политического потенциала. На основе своих главных национальных интересов и геостратегической перспективы КНР определяет Индо-Тихоокеанскую зону как восточную часть Индийского океана и западную часть Тихого океана. Концепция Индо-Тихоокеанского пространства позволяет из сложного комплекса составляющих её факторов выделить и даже сконструировать полноценную дипломатическую и экономическую архитектуру системы региональной безопасности. В контексте смены силовых полюсов международная общественность видит значительно более энергичное подключение Китая к интеграционным процессам региона, определяемого как «новая Азия». Текущее почти полное стратегическое переосмысление концепции Индо-Тихоокеанской зоны активно генерирует новые практические императивы для важнейших китайских военно-политических структур, которые стремятся создать тесную взаимосвязь между акваториями двух океанов, исходя из насущных потребностей общего оперативного планирования [Wallner, с. 29].

Индо-Тихоокеанская концепция способна стимулировать евроазиатскую интеграцию с учётом перехода КНР в новое геополитическое качество в соответствии с китайской идеей о «единой судьбе человечества». Официальная риторика китайского руководства провозглашает всемерное уважение к многообразию мировых цивилизаций и призывает к тому, чтобы все страны помогали друг другу в общем деле развития глобальной торговли

и инвестиционного сотрудничества. Таким образом, Китай на глобальном и особенно на региональном уровне выступает за то, чтобы каждое государство самостоятельно выбирало путь развития, и готов делиться позитивным опытом с заинтересованными партнерами, играя при этом роль ответственной державы, не терпящей ущемления своих коренных национальных интересов. Нет сомнений, что Индо-Тихоокеанская зона уже вошла в сферу приоритетных интересов КНР, и любая страна, расположенная на этой территории, развивая экономические связи с Пекином, неизбежно подвергнется мощному влиянию китайской концепции «единой судьбы человечества» [Хирокава, с. 10].

Безусловно, нынешняя геополитическая ситуация в Индо-Тихоокеанском пространстве исключительно благоприятна для Китая, так как миротворческие китайские идеи в совокупности с экономическими выгодами от широкомасштабного сотрудничества покажутся притягательными для многих государств Большой Евразии, уставших от повсеместно нагнетаемых США бессмысленных конфликтов.

Потенциал формата «Россия – Индия – Китай» для Большой Евразии

Тройственный диалог «Россия – Индия – Китай» (РИК) уже стал важнейшей частью формирующегося многополярного мира, в котором трём державам приходится согласовывать ключевые национальные интересы, особенно в тех частях света, где поодиночке у них не получается эффективно противостоять другим «центрам силы». Вступив в Шанхайскую организацию сотрудничества, та же Индия начала отказываться от навязываемых ей американских условий двустороннего взаимодействия, налаживая при этом отношения и с другими геополитическими союзами Евразии. Новые стратегические ориентиры уже получили реальное воплощение в достаточно жёстком противостоянии США и формата РИК в Индо-Тихоокеанской зоне, ввиду того, что Россия, Индия и Китай явно нацелены на углубление геополитического присутствия, прежде всего, в Юго-Восточной Азии [Ван, с. 60]. В отличие от США Россия играет в регионе регулируемую роль и по мере возможности сдерживает растущие амбиции Пекина и Нью-Дели, стремящихся стать глобальными игроками. Это положение соответствует древней китайской мудрости о двух тиграх, которым «трудно ужиться на одной горе».

В то же время динамично развивается концепция «Чиндия» (“Chindia”), представляющая собой новые точки позитивного соприкосновения Китая и Индии. Она формирует феномен взаимного успеха двух разных систем через стимулирование обеих экономик, создает возможность сообща определять контуры регионального порядка в Индо-Тихоокеанской зоне.

Для достижения геополитического консенсуса Китай и Индия вполне могут использовать Индо-Тихоокеанский формат в качестве консультационного механизма и эффективной дискуссионной площадки. Судя по всему, оба государства настроены избегать военно-политических конфликтов, способных перерасти в вооружённые столкновения, и Индо-Тихоокеанский форум способен стать точкой стратегического планирования для противодействия американскому давлению на страны Индо-Тихоокеанской зоны [Brewster, с. 14].

Россия также может усилить влияние в этом регионе, ориентируясь на свои геополитические интересы с учетом продвижения идеи Большой Евразии и укрепления

стратегических позиций в евроазиатском пространстве в смысле постепенного ограничения здесь деятельности американских военно-морских и военно-воздушных сил. При этом все практические шаги в данном направлении должны координироваться с партнёрами из Индии и КНР.

Большая Евразия вступает в так называемый многополярный возраст, когда Индо-Тихоокеанская зона становится одним из полюсов евроазиатского пространства. Это подразумевает высокоустойчивые связи между Пекином и Нью-Дели, а также достойное вхождение России в геополитическую конфигурацию последовательно реформирующегося Индо-Тихоокеанского «полюса силы».

Необходимость присутствия России на евроазиатской периферии делает её весьма востребованным игроком, поскольку зона российской ответственности уже сегодня простирается от Тихого океана до Персидского залива. С учётом высокой боеспособности тихоокеанского флота нельзя недооценивать её стратегический потенциал в Индо-Тихоокеанской зоне и богатый опыт его дипломатического применения в сложных политических условиях.

Стратегическое значение Индийского океана для России определяется прежде всего тем, что через него пролегают наиболее оптимальные маршруты транспортировки сырьевых ресурсов между Тихоокеанской и Ближневосточной зонами [Ватанабэ, с. 15]. Индо-Тихоокеанская зона становится все более значимой для российской геополитики в связи с растущей стратегической нестабильностью в целом ряде прибрежных государств этого региона. Эта неустойчивость выражается в обострении старых и возникновении новых очагов международного терроризма, наркоторговли и морского пиратства. Отвечая на вышеназванные угрозы, российский флот постепенно возвращается в акваторию Индийского океана, чтобы устранить там монопольное положение США. При этом он сталкивается с растущей конкуренцией со стороны Китая и Индии, активно заявляющих о своём праве участвовать в решении геополитических проблем. Пекин, например, не скрывает своих геополитических амбиций и явно не собирается ограничиваться бассейном Тихого океана. В своих военных планах Китай рассматривает Индийский океан как вторую по значимости, после акватории омывающих его морей, арену для соперничества. Для Индии стратегическое значение этого океана определяется целым набором факторов, связанных с развитием международной торговли и региональной безопасности. Вместе с тем все это вызывает естественные подозрения у других заинтересованных сторон, видящих в усилении военного присутствия стран-конкурентов угрозу собственным национальным интересам.

Стратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне напрямую связана с попыткой контролировать продвижение США с востока вглубь Евразии через укрепление своих позиций в морских державах восточной и южной периферии евроазиатского континента – от Южной Кореи до Аравийского полуострова. Китайская дипломатия осознает необходимость усилить внимание к попыткам США активно противодействовать деятельности формата РИК в Индо-Тихоокеанской зоне, поскольку потенциальное российско-индийско-китайское стратегическое партнёрство по активному развитию механизмов безопасности и сотрудничества на огромных сухопутных пространствах евроазиатского «хартленда» весьма беспокоит Вашингтон [Pospisil, с. 69]. КНР рассчитывает в рамках формата РИК поставить под контроль операции США по поддержке так называемой свободы навигации.

Иными словами, члены РИК стараются сохранить свою «стратегическую автономность», избегая любого прямого вовлечения Вашингтона в свои отношения. Тем не менее Индия, в отличие от РФ и КНР, довольно спокойно идёт на контакт с США по геополитическим вопросам, часто в ущерб интересам своих партнёров по РИК. Индия верит, что она – желанный геополитический партнёр для любой крупной державы, особенно для США, поскольку на Вашингтон сегодня сильно действует «фактор Китая» и его стратегическое взаимодействие с Россией, которая, по мнению американской администрации, вполне способна разыграть успешную политическую комбинацию по реальному уравниванию отношений Нью-Дели и Пекина без участия Соединённых Штатов.

Стратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне

Формируя собственную геополитическую стратегию в регионе, КНР пытается понять, какие факторы способствуют или препятствуют гармонизации действий в рамках формата РИК. Однако все они не образуют строгую формулу и трансформируются, как и их конфигурация, под влиянием изменений внешнеполитических ситуаций на региональном и на глобальном уровнях. Китай стремится как можно более чётко осознать реалистичность прогнозируемых им целей Индо-Тихоокеанского проекта. Пекин заранее готовится к различным экспериментам, удачным и неудачным попыткам добиться доверия со стороны Индии и России, побуждая их вкладывать свои ресурсы, знания и навыки в становление союзнического варианта регионального взаимодействия. Сама идея формата РИК, как её понимают сегодня в Москве, Нью-Дели и Пекине, нацелена на установление особых отношений между тремя державами, каждая из которых чувствовала бы себя равноправным субъектом во всех видах сотрудничества [Чжан, с. 3]. Для Индо-Тихоокеанской зоны это особенно важно, ввиду «отсутствия доброй воли» в данном направлении у заинтересованного игрока – Соединённых Штатов Америки. «Американский фактор» постоянно влияет на политические взаимоотношения России, Индии и Китая, создавая «квазиблагоприятный» фон для тесного взаимодействия прежде всего на региональном уровне, а также в сфере безопасности, когда борьба с международным терроризмом становится приоритетом современной внешней политики практически всех великих держав.

Региональные приоритеты РИК

Несмотря на имеющиеся объективные разногласия, Россия, Индия и Китай искренне стремятся противодействовать новым вызовам и угрозам, особенно международному терроризму в Евразии, рассчитывая в обозримой перспективе подписать конвенцию по противодействию ядерному терроризму. Основные направления работы на данном участке трёхстороннего сотрудничества включают в себя: обеспечение неотвратимости наказания террористов и серьёзное укрепление соответствующего законодательства; совершенствование учёта и контроля за ядерными материалами и объектами; самостоятельную разработку технологий, блокирующих ядерный терроризм. С учётом усиления геополитических позиций России в Индо-Тихоокеанской зоне взаимодействие в формате РИК препятствует военному доминированию США и их хищническим экономическим методам превращения региональных государств в американских «сателлитов». Примечательно, что все более важными для РИК становятся региональные приоритеты, отвечающие национальным

интересам названных стран. Это подразумевает уход от тесных альянсов с ведущими западными державами [Navedita, с. 8]. По некоторым оценкам международных экспертов, формат РИК становится всё более заметным регулятором российско-индийско-китайских региональных приоритетов в самых различных частях евроазиатского континента. В связи с этим вполне можно ожидать последовательного и, видимо, довольно интенсивного ухудшения отношений Москвы, Нью-Дели и Пекина с Вашингтоном.

Геополитическая игра двух военно-политических гигантов

Есть несколько сценариев развития геополитической ситуации в Индо-Тихоокеанской зоне. В соответствии с самым реалистичным из них, усилится напряжённость и конфронтация между США и членами формата РИК. Это грозит серьёзным усугублением региональной конфронтации в духе холодной войны с возможным перерастанием в реальные военные столкновения в разных частях региона [Wahlers, с. 99]. Пока наблюдается последовательное углубление геополитической связи между Индийским океаном и Западной частью Тихого океана. Это ещё более заметно в сфере безопасности, поскольку объективно формируется новая арена противостояния мировых держав. Экономическое развитие названной зоны выглядит весьма впечатляющим, особенно исходя из региональных темпов роста – выше среднемировых значений, в результате чего доля региона составит половину мирового ВВП.

В данной связи вполне понятным становится содержание внешнеполитической стратегии КНР в Индо-Тихоокеанской зоне, так как она формируется на основе китайского видения региональной ситуации, которое опирается на долгосрочные национальные интересы Пекина. Сотрудничая с Индией и Россией в рамках формата РИК, Китай одновременно настойчиво стремится использовать антагонистическую стратегию Вашингтона в отношении КНР, чтобы «возбудить и сплотить» против США «обиженные» американцами режимы. Последние вряд ли станут активно вмешиваться в китайско-американские интриги, чтобы не сделаться «разменными фигурами» в геополитической игре двух военно-политических гигантов, но, скорее всего, задумаются, как проводить трезвую и гармоничную региональную политику.

КНР сегодня представляет собой интенсивно растущую мировую державу, соперничающую с США, которые пока все же обладают непревзойденными возможностями на глобальном уровне. Однако в Индо-Тихоокеанской зоне, с учётом потенциала формата РИК, китайские силы вполне уравнивают американские [Хэйдзу]. КНР сейчас задействует все ресурсы, чтобы создать мощнейшие в мире военно-морские силы, показателем чего является последовательное внедрение ключевых технологий высочайшего уровня при планомерном строительстве развитого океанского флота.

Китай наращивает глобальные амбиции постепенно, разделив процесс на несколько взаимосвязанных этапов. Один из них – это формирование китайского военно-политического потенциала в Индо-Тихоокеанской зоне. Глубокое переосмысление геостратегической евроазиатской концепции диктует практические императивы для оборонных структур КНР – укрепление взаимосвязи между океанами должно быть переведено в контекст текущего оперативного планирования. Самый объективный анализ китайской геополитической стратегии на просторах Евразии показывает, что сейчас Пекин пытается перенести акцент

в своих действиях на ядро современной глобальной экономики – Индо-Тихоокеанскую зону [Pitakdumrongkit, с. 9]. Следует признать, что сдвиг в современной международной политике США прежде всего связан с повсеместным возвышением Китая в последнее десятилетие. Руководство КНР решило, что пришло время существенно повысить региональный статус китайского государства, в том числе в рамках формата РИК.

Реальные геополитические вызовы для Большой Евразии

Возвышение Китая в активной внешней политике на просторах Индо-Тихоокеанской зоны формирует абсолютно новые вызовы для евроазиатского пространства, которые приобретут острую актуальность в период 2020–2030 гг. и приведут к существенным изменениям регионального баланса сил. КНР явно рассчитывает стать крупнейшим инвестором в индийскую экономику. В связи с этим Нью-Дели придётся отстаивать свой суверенитет и достаточно жёстко конкурировать с Пекином в сфере региональных инфраструктурных проектов, в том числе опираясь на государства (США, Япония, Вьетнам), которые опасаются усиления Китая в данном регионе. Например, у США и Индии вряд ли созреет полноценное партнёрство в Индо-Тихоокеанской зоне, поскольку их общий интерес состоит только в том, чтобы сбалансировать геополитический рост КНР. По другим направлениям не следует ожидать тесного американо-индийского союза на этой территории.

Китайско-индийское взаимодействие в Евразии будет развиваться на пользу обеим странам и в перспективе станет одним из важнейших факторов трансформации региональной и глобальной архитектуры безопасности. Это позволит избегать прямой конфронтации между Китаем и Индией и каким-то образом разрешать неизбежно возникающие противоречия. Открытым остается вопрос о том, какими средствами и методами будут разрешаться эти разногласия. Иными словами, как Китай и Индия в обозримом будущем очертят рамки своего взаимодействия с учётом собственных национальных интересов [Сизуока, с. 45]? Обе страны наращивают геополитическую мощь, в первую очередь за счёт природных ресурсов соседних стран, в частности, для решения одной из ключевых проблем – нехватки пресной воды в регионе. Для этого задействуется и «мягкая сила», и открытое военное давление.

Предстоящие 15–20 лет, безусловно, станут решающими в становлении нового мирового порядка с жёсткими правилами геополитической игры на огромном евроазиатском пространстве и последующим переделом всего мира. Евразия всегда была ареной соперничества ведущих мировых держав, которые действуют как противники, совершающие сложные ходы и контрходы. Иными словами, осуществляют геополитические действия, не имеющие чётких правил, но нацеленные изменять функциональные предназначения оспариваемых территорий, в том числе в обширной Индо-Тихоокеанской зоне [Mahadevan, с. 2].

Указанный регион последовательно превращается в динамично развивающееся пространство мощного экономического роста, становится «центром тяжести» глобальной политики. Это позволяет предположить, что Пекин и Нью-Дели выстраивают сложную оперативную евроазиатскую стратегию с гибким развёртыванием сил и средств на самых критически важных направлениях. Формируется новый этап в отношениях Китая и Индии,

когда оба государства могут согласиться рассматривать друг друга как некий «стратегический тыл» и даже «буферную зону» в сферах безопасности, энергетики, рынков сбыта, транзитных коридоров, а также в последовательном противодействии влиянию Запада.

Облик китайско-индийских отношений в Индо-Тихоокеанской зоне и Большой Евразии во многом определяется системой взаимозависимостей в стратегическом треугольнике «Россия – Индия – Китай», представляет собой сложное переплетение ценностных установок, долгосрочных целей и конкретных национальных интересов. Одновременно нельзя не учитывать и объективно заданные параметры поведения других крупных держав на региональном и глобальном уровнях. Происходит естественная интеграция в рамках переплетения, взаимопроникновения и сращивания общих интересов формата РИК в направлении гармоничного соразвития без формирования единой идеологии. Сотрудничество осуществляется на основе взаимодополняемости с постепенным появлением реальной взаимозависимости между участниками, чтобы тщательно проанализировать потребности и возможности государств для выявления наиболее перспективных направлений эффективного сотрудничества [Cook, с. 46].

Взаимодействие Москвы, Дели и Пекина нацелено на усиление крупнейших континентальных держав при формировании нового регионального порядка управления на пространстве Большой Евразии, в ходе совершенствования архитектуры межгосударственных отношений. Три страны обоснованно рассчитывают на активное поступательное развитие многостороннего сотрудничества в национальных интересах и в целях комплексного обеспечения региональной безопасности. Формат РИК вполне способен осилить новый порядок управления Большой Евразией и создать почву для взаимодействия с другими крупными державами на собственных условиях. В итоге это способно привести к консолидации нормативных рамок и естественному расширению круга стратегических партнёров. Использование преимуществ подъёма Азии для выравнивания длительного дисбаланса внешней политики России, Индии и Китая, направленной на Запад, способно воплотить перспективы эффективного развития и комплексного обеспечения безопасности для продвижения проектов сотрудничества в Большой Евразии и Индо-Тихоокеанской зоне в частности.

Китай, Индия и США достаточно активно взаимодействуют в различных сферах, стараясь не ограничиваться антагонистическим балансированием и стремясь в большей степени детерминировать развитие событий на евроазиатском пространстве, поскольку формат РИК постепенно становится всё более востребованным на региональном уровне [Созя, с.18]. Международные эксперты подчёркивают, что российско-индийско-китайское взаимодействие является своего рода новой «большой игрой», ориентированной на евроазиатский континент, ответом на усиление конкуренции между пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН и укрепление влияния трёх стран РИК с точки зрения национальной безопасности, экономического развития, возведения защитного барьера против натиска демократии западного образца.

Китай рассчитывает использовать формат РИК для продвижения своего лидерства в вопросах международной и региональной политики, акцентируя внимание на создании реального геополитического противовеса американским попыткам сохранить однополярный мир. Для этого Пекину и Нью-Дели крайне важны российские высокотехнологичные военные поставки, а также признанные российские разработки в других областях, например,

в генной инженерии и фармакологии. В обозримой перспективе стратегическая логика требует от китайского руководства укрепить взаимодействие в формате РИК, поскольку КНР ни в коем случае нельзя допустить формирование в регионе какого-либо «единого фронта» против Китая и утратить репутацию державы, способной постоять за свои национальные интересы. Как полагают международные эксперты, в этой связи КНР вынуждена ужесточать политику в отношении Тайваня, чтобы заставить те же США подумать, прежде чем возобновлять практику продажи Тайбею американского вооружения, а также показать Вашингтону реальность расширения китайского военного давления на Тайвань и прекращение сложившегося «дипломатического перемирия» с Тайбеем, стимулируя таким образом отказ некоторых стран от дипломатического признания Тайваня и перенос ими своих дипмиссий в КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван Шида. Интай чжанлюе бэйцзин ся инду цаньюй «Чжун-Э-Ин» саньбянь хэцзо дэ дунинь юй цзюйсянь : [Участие Индии в Индо-Тихоокеанской стратегии: причины и пределы трёхстороннего сотрудничества в формате «Россия – Индия – Китай»] // Дунчжанья яньцзю. 2019. № 2. С. 59–71.

Ватанабэ Маю. Дзию дэ хиракарэта Индо тайхэй косо то кайё тицудзё : [Идея Индийского океана, открытого для свободного мореплавания и порядка на море]. Токио: Мэйдзи дайгаку кокусай мондай кэнкюсё, 2019.

Каваго Масахиро. «Иттай Итиро» косо то «Индо-Тайхэйё» : [Идея «Один пояс, один путь» и идея «Индо-Тихоокеанской зоны»]. Токио, Нихон Хёронся, 2018.

Сизуока Тэцуо. Тюгоку андзэн хосё репото : [Доклад о гарантиях безопасности Китая]. Токио: Бэй кэнкюсё, 2019.

Соэя Ёсихидэ. Нихон но Индо-Тайхэйё гайко то кинрин гайко : [Индо-Тихоокеанская внешняя политика Японии и соседская дипломатия] // Кокусай мондай. 2020. № 688.

Хиракава Сайко. «Иттай Итиро»-о мэгуру Тюгоку гайко то цтиики цхитсуйо но хендо : [Смена китайского внешнеполитического курса и регионального порядка в связи с концепцией «Один пояс, один путь»]. Токио: Адзиа кэйдзай кэнкюсё. Васэда дайгаку, 2019.

Хэйдзу Цуцудзи. Росиа кара мита Тюгоку сэнряку : [Стратегия Китая с точки зрения России]. Токио: Васэда дайгаку кокусай канкэй кэнкюсё. 2018.

Чжан Чунь. Сюси бьянгэ бэйцзин ся дэ саньбянь хэцзо гуаньси : [Отношения трёхстороннего сотрудничества на фоне системных преобразований]. Шанхай: Чжэсюе шэхуй кэсюе яньцзюго, 2016.

Шифэн Чзэфу. Чжунго аньцюань чжаньлюе : [Стратегия безопасности Китая]. Чжунго аньцюань баогао, Пекин, 2019.

Bieri M. China im Indischen Ozean: Wirtschafts- und Militärmacht // CSS Analysen zur Sicherheitspolitik. № 156. Zurich, 2014.

Brewster D. Between Giants: The Sino-Indian Cold War in the Indian Ocean. France: Center for Asian Studies, 2018.

Cook M. Europe in the Indo-Pacific: Moving from Periphery to the Centre? Singapore: Institute of South Asian Studies, 2019.

Hilpert H.G. Geoeconomics Meets Geopolitics. China's New Economic and Foreign Policy Initiatives. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2015.

Mahadevan P. China im Indischen Ozean: Wirtschafts und Militärmacht. Zürich: CSS Analysen zur Sicherheitspolitik, CSS ETH. 2014. № 156.

Navedita D.K. Russia-India-China: Prospects for Trilateral Cooperation. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analysis, 2019.

Pitakdumrongkit K.K. The Impact of the Trump administration's Indo-Pacific strategy on Regional economic governance. Hawaii, Honolulu: East-West Center, 2019.

Pospisil J. Die Entwicklung von Sicherheit. Österreichischen Institut für Internationale Politik. Wien: Universität Wien, 2018.

Wahlers G. Supermacht China Beherrscht Peking bald die Welt? Berlin: Konrad Adenauer Stiftung (Фонд Конрада Аденауэра), 2018.

Wallner R. Was hat China im Indischen Ozean vor? Eine Lagefeststellung. Marine Forum Berichte // Zeitschrift «Auftauchen». 2016. № 2. S. 28–30.

REFERENCES

Bieri Mattias. (2014). China im Indischen Ozean: Wirtschafts und Militärmacht. CSS Analysen zur Sicherheitspolitik, Zurich, 156. (In German).

Brewster David. (2018). Between Giants: The Sino-Indian Cold War in the Indian Ocean. Center for Asian Studies.

Cook Malcolm. (2019). Europe in the Indo-Pacific: Moving from Periphery to the Centre? Singapore, Institute of South Asian Studies.

Heizu Tsutsuji. (2018). Rosia kara mita Chugoku senryaku [China's strategy from Russia's point of view], Tokyo, Waseda daigaku kokusai kankei kenkyusyo. (In Japanese).

Hilpert Hanns Günter. (2015). Geoeconomics Meets Geopolitics. China's New Economic and Foreign Policy Initiatives. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin, German Institute for International and Security Affairs.

Hirakawa Saiko. (2019). "Ittai Ichiro"-o meguru Chugoku gaiko to chiiki chitsujo no hendo [Change in Chinese foreign policy and regional order in connection with the concept of "One belt, one road"]. Tokyo, Ajia keizai kenkyusyo. Waseda daigaku. (In Japanese).

Kawago Masahiro. (2018). "Ittai Ichiro" koso to "Indo-Taiheiyo" koso [The idea of "One belt, One road" and the idea of "Indo-Pacific zone"]. Tokyo, Nihon Hyoronsha. (In Japanese).

Mahadevan Prem. (2014). China im Indischen Ozean: Wirtschafts und Militärmacht. CSS Analysen zur Sicherheitspolitik. Zürich, CSS ETH, 156. (In German)

Navedita Das Kundu. (2019). Russia-India-China: Prospects for Trilateral Cooperation. India, New Delhi, Institute for Defence Studies and Analysis.

Pitakdumrongkit Kaewkamol Karen. (2019). The Impact of the Trump Administration's Indo-Pacific Strategy on Regional Economic Governance. Hawaii, Honolulu, East-West Center.

Pospisil Jan. (2018). Die Entwicklung von Sicherheit. Österreichischen Institut für Internationale Politik. Wien, Universität Wien. (In German).

Shifeng Chieifu. (2019). Zhongguo anquan zhanlüe [China's security strategy], Beijing, Zhongguo anquan baogao. (In Chinese).

Shizuoka Tetsuo. (2019). Chugoku anzen hosyo repoto [Report on China's security guarantees]. Tokyo, Boei kenkyusyo. (In Japanese).

Soeya Yoshihide. (2020). Nihon no Indo-Taiheiyo gaiko to kinrin gaiko [Japan's Indo-Pacific foreign policy and neighborhood diplomacy]. Tokyo, Kokusai mondai, 688. (In Japanese).

Wahlers Gerhard. (2018). Supermacht China Beherrscht Peking bald die Welt? Berlin, Konrad Adenauer Stiftung. (In German).

Wallner Raimund. (2016). Was hat China im Indischen Ozean vor? Eine Lagefeststellung. Marine Forum Berichte. Zeitschrift "Auftauchen", 2: 28–30. (In German).

Wang Shida. (2019). Yingtai zhanlüe beijing xia yingdu canyu Zhong-E-Ying sanbian hezuo de dongyin yu juxian [India's participation in the Indo-Pacific strategy: reasons and limits of trilateral cooperation in the "Russia-India-China" format]. Beijing, Dongzhangya yanjiu, 2: 59–71. (In Chinese).

Watanabe Mayu. (2019). Jiyu de hirakareta Indo taihei koso to kaiyo titsujyo [The idea of an Indian ocean open to free navigation and order at sea]. Tokyo, Meiji daigaku kokusai mondai kenkyusyo, 2019. (In Japanese).

Zhang Chun. (2016). Xiuxi biange beijing xia de sanbian hezuo guanxi [Relations of trilateral cooperation against the background of systemic transformations]. Shanghai, Zhexue shehui kexue yanjiuguo, 2016. (In Chinese).

Поступила в редакцию 29.02.2020

Received 29 February 2020

Для цитирования: Балакин В.И. Геостратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 47–58. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10004

For citation: Balakin V.I. (2020). Geostrategiya Kitaya v Indo-Tihookeanskoi zone [China's Geostrategy in the Indo-Pacific zone], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 47–58. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10004